„ЗНАМЯ ЮНОСТИ"
г. МИНСК
26 МАР 1978

НЕ ПРОПАДАЕТ ДОБРОЕ...

СЛОВО О РЕЖИССЕРЕ И ПЕДАГОГЕ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Поэт Павел Антокольский написал: «Смерть отчеканивает образ ушедшего в его окончательном, лучшем, наиболее достоверном варианте».

С этих дней начнет отчеканиваться образ режиссера и педагога Владимира Андреевича Маланкина...

Накануне он допоздна репетировал с актерами Русского театра — уже была назначена генеральная репетиция булгаковского «Мольера». Утром актеры пришли на репетицию и ждали Владимира Андреевича.

Накануне в театрально-художественном институте состоялась встреча педагогов и студентов с будущими абитуриентами — группу по подготовке к поступлению в театральный основал Владимир Андреевич и сам, оживленный, веселый, проводил эту встречу.

Было намечено, назначено, запланировано, договорено...

...Остался курс, который он должен был выпустить, спектакль, который он готовился сдать, будущие студенты, которых он уже не наберет на свой новый курс. Остались пьесы, которые он мечтал увидеть спектаклями, ребята, которых уже видел в мыслях актерами...

Жизнь оборвалась на высшей точке, словно летела стрела, тонко позванивая на лету, набирая скорость, силу, высоту, —и сбита, сорвалась...

Он многое успел, Владимир Маланкин: поставил много спектаклей, воспитал славных учеников.

Среди спектаклей были «Пузырьки» и «Варшавский набат» в Тюзе, «Ночь ошибок» в Белорусском театре имени Янки Купалы, «Восхождение на Фудзияму» и «Последние» в Русском театре имени Горького.

Среди учеников — Валерий Раевский, Борис Луценко и Валерий Мазынский — главные режиссеры Купаловского, Русского и Витебского театров.

Спектакли были для него, как дети: он радовался и страдал из-за них, ревниво следил, как они живут без него.

И студенты после выпуска оставались источником его волнений и забот: придирчиво следил за работой, торопился поддержать, занять в своих спектаклях, порекомендовать— кто еще лучше знал их, чем он. Преданный ученик Дмитрия Алексеевича Орлова по Белорусскому театральному, Марии Осиповны Кнебель и Алексея Дмитриевича Попова по ГИТИСу, он стал строгим и заботливым учителем.

Учить и не любить нельзя.

Любовь его была немногословной и требовательной: ни в учебной, ни в профессиональной работе он равно не выносил халтуры, нервничал, взрывался, замечая верхоглядство, приблизительность, расчет на внешний эффект, фальшь.

М. О. Кнебель вспоминает своего ученика на страницах книги «Вся жизнь». И там же есть вещие слова:

«Кто вернет мне бремя, которое я на вас трачу?» — спросил в минуту усталости у учеников Алексей Дмитриевич Попов. Увы, никто этого времени нам не возвращает. Мы никогда не сможем в счет этих дней поставить еще один спектакль или написать еще одну книгу. Остается лишь надежда, что есть закон творческой эстафеты — я вижу многих наших учеников... не растерявших того, что мы старались им передать, а, наоборот, умноживших и развивших это по-своему...»

Непоправимо рано ушел из жизни Владимир Андреевич Маланкин. Он именно сейчас обрел творческую зрелость. Казалось, отыскал в искусстве что-то бесконечно важное для себя и порывался воплотить это на сцене, в учениках, в актерах.

Можно было только догадываться, почувствовать, что он готовится поделиться накопленным знанием, мыслями, что нас ожидают открытия...

Не растерявшим — умножившим отданное ему — был Владимир Маланкин. В горьком прощании с ним согревает мысль о деятельной, активной памяти. Надежда на творческую эстафету.

Л. БРАНДОБОВСКАЯ.